

Этапы формирования криминалистического учения о реализации специальных знаний вне судебной экспертизы: история и современность

С. П. Жданов

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова;
доцент кафедры «Таможенное право и организация таможенного дела» РУТ (МИИТ);
доцент кафедры философии, политологии, социологии им. Г. С. Арефьевой
ФГБОУ ВО «НИУ «МЭИ».

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36;
ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта»,
127994, Москва, ул. Образцова, д. 9, строение 9;
ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский университет «МЭИ»,
111250, Москва, Красноказарменная ул., д. 14.
E-mail: zhdanov120009@yandex.ru

Stages of Formation of Criminalistic Teaching on the Implementation of Special Knowledge Outside of Forensic Examination: History and Modernity

S. P. Zhdanov

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics;
Associate Professor of the Department of "Customs Law and Organization of Customs Affairs" RUT (MIIT);
Associate Professor of the Department of Philosophy, Political Science, Sociology named after G. S. Arefieva.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation;
Federal State Institution of Higher Education «Russian University of Transport»,
9 Obratztsova Street, Building 9, Moscow, 127994, Russian Federation;
National Research University «Moscow Power Engineering Institute»,
14 Krasnokazarmennaya Street, Moscow, 111250, Russian Federation.
E-mail: zhdanov120009@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются этапы формирования криминалистического учения о реализации специальных знаний внесудебной экспертизы (специологии или судебной специологии). Автором особое внимание уделено периодизации института специалиста, начиная с принятия УПК РСФСР 1922 г. до настоящего времени. Цель исследования автор видит в выделении периодов развития криминалистического учения о реализации специальных знаний внесудебной экспертизы. Предметом данного исследования выступило российское законодательство, регламентирующее порядок использования специальных знаний внесудебной экспертизы. При написании научной статьи использовались общенаучные и специальные методы познания. В результате проведения исследования в ретроспективе автор формулирует собственное видение периодизации этапов формирования криминалистического учения о реализации специальных знаний и предлагает выделять восемь периодов развития: со времен Древней Руси до 1832 г.; с 1832 по 1864 г.; с 1864 по 1917 г.; с 1917 по 1922 г.; с 1922 по 1960 г.; с 1960 по 2001 г.; с 2001 по 2013 г.; с 2013 г. по настоящее время.

Ключевые слова: криминалистика, криминалистическое учение, специальные знания, специалист, специология, судебная специология.

Abstract

The article considers the stages of the formation of criminalistic teaching on the implementation of special knowledge outside of forensic expertise (specialization or forensic specialization); the author pays special attention to the periodization of the institute of a specialist, starting with the adoption of the Criminal Procedure Code of the RSFSR in 1922 to the present. The author sees the purpose of the study in highlighting the periods of development of the forensic teaching on the implementation of special knowledge outside of forensic examination. The subject of this study was the Russian legislation regulating the use of special knowledge outside of forensic examination. When writing a scientific article, general scientific and special methods of cognition were used. As a result of the research in retrospect, the author formulates his own vision of the periodization of the stages of the formation of criminalistic teaching on the implementation of special knowledge and proposes to distinguish eight periods of development: from the time of Ancient Russia to 1832; from 1832 to 1864; from 1864 to 1917; from 1917 to 1922; from 1922 to 1960 years; from 1960 to 2001; from 2001 to 2013; from 2013 to the present.

Keywords: criminology, forensic science, special knowledge, specialist, specialization, forensic specialization.

Каждое учение может сформироваться лишь тогда, когда к этому есть естественные предпосылки. Своевременность его формирования можно оценить лишь, изучив исторические тенденции рассматриваемого явления. При этом ко всякому вопросу можно подойти научно, лишь исторически рассмотрев развитие исследуемого явления в целом¹.

В научной литературе существует обоснованное мнение, что в целом институт использования специальных знаний (познаний) возник уже тогда, когда в обществе, с одной стороны, возникли ремесло и наука, т. е. появились специальные знания и люди ими обладающие. С другой стороны, должно было сформироваться право, как основной нормативный регулятор общественных отношений в государственно-организованном обществе². При этом большинство авторов делают акцент исключительно на становлении института судебной экспертизы [10], хотя и заявляют об изучении всей истории использования специальных знаний. Значительно меньшее число исследователей поднимают проблемы исследования института использования специальных знаний в целом [4; 6; 8; 12]. Естественно, что в ходе этих исследований фрагментарно авторы затрагивают и отдельные вопросы, касающиеся деятельности специалиста. Однако работ, связанных с изучением исторических процессов становления института именно специалиста, практически не усматривается.

Рассмотрим исторические предпосылки формирования криминалистического учения о реализации специальных знаний внесудебной экспертизы, начиная с принятия УПК РСФСР 1922 г. до настоящего времени. До 1922 г. исторические предпосылки формирования криминалистического учения о реализации специальных знаний внесудебной экспертизы изложены в авторской монографии [2].

Анализ положений УПК РСФСР 1922 г. и УПК РСФСР 1923 г. показал, что, по сути, они вернули институт использования специальных знаний на тот же качественный уровень, что был реализован в Уставе уголовного судопроизводства. Разница была лишь в том, что термин «сведущее лицо», используемый в Уставе уголовного судопроизводства в УПК РСФСР 1922 и 1923 гг., был заменен на термин «эксперт». Так, часть 2 статьи 192 УПК РСФСР 1923 г. гласила, что эксперты вызывались не только для дачи экспертных заключений; в случае необходимости они приглашались для участия в проводимых следователем осмотрах и освидетельствованиях. Судебно-медицинские эксперты приглашались не только, если возникала необходимость во вскрытии и патолого-анатомическом исследовании трупа, но и для участия в их осмотрах, а также освидетельствованиях потерпевшего, обвиняемого, а также и в других случаях, где требуются специальные знания врача (статья 193). Статья 64 УПК РСФСР 1923 г. указывала, что лицо, вызываемое в качестве эксперта, обязано явиться и участвовать в осмотрах и освидетельствованиях и давать заключения. При этом само участие эксперта в осмотрах и освидетельствованиях, согласно статье 192 УПК РСФСР 1923 г., должно регламентироваться правилами, изложенными в ста-

¹ Шиканов В. И. Использование специальных познаний при расследовании убийств : учебное пособие. – Иркутск, 1976.

² Хропанюк В. Н. Теория государства и права : учебное пособие для высших учебных заведений / под ред. В. Г. Стрекозова. – М. : ИПП «Отечество», 1993.

тье 169-174 УПК РСФСР 1923 г., где речь идет о правилах производства экспертизы в уголовном судопроизводстве.

В. Н. Махов считает, что «нормы в статьях 64, 192 и 193 УПК РСФСР 1923 г. явились результатом влияния дореволюционного уголовно-процессуального законодательства, предусматривающего осмотра и освидетельствования, проводимые сведущими людьми, как начальный этап экспертизы» [9].

Непонятность в УПК РСФСР формы участия эксперта при проведении ряда следственных действий привела к обширной дискуссии по поводу правовой природы осмотров и освидетельствований, проводимых с его участием. Так, М. М. Гродзинский признавал, что такие осмотры и освидетельствования являются особой формой экспертизы, так как при их проведении «применяется специальных знаний при доказывании» [1]. Противоположную позицию высказывал Р. Д. Рахунов: «...участие эксперта в осмотре носит процессуальный характер, поскольку закон разрешает такое участие, но не является экспертизой» [11. – С.62]. Существовали и промежуточные точки зрения, например, что эксперты, участвуя в осмотрах и освидетельствованиях, осуществляют некую непроцессуальную деятельность.

Таким образом, в целом выведя уголовное судопроизводство из хаоса, УПК РСФСР 1923 г. значительно упорядочил проведение собственно экспертиз, но совершенно не решил вопрос об иных формах привлечения лиц, обладающих специальными знаниями, к расследованию. Можно даже сказать, что институт специалистов в современном их понимании был практически уничтожен. Это привело к тому, что объективные предпосылки к законодательному введению в уголовный процесс такого участника, как специалист, сложились лишь в 1960-х гг. Свой вклад внесло и дальнейшее развитие науки и техники. С 1952 г. следователи стали оснащаться специально разработанным криминалистическим комплектом, который мог понадобиться при проведении различных следственных действий: осмотров, обысков и т. п.

УПК РСФСР 1960 г. ввел много нового. Наиболее заметным стало введение в уголовный процесс нового субъекта – специалиста. По мнению Л. М. Исаевой, это явилось первым шагом уже не в потенциальной, а в реальной дифференциации института сведущих людей в двух

направлениях: привлечение лиц, обладающих специальными знаниями, в качестве специалистов для участия в следственных действиях или в качестве экспертов для проведения экспертных исследований [5]. С этого момента развитие всего института пошло через совершенствование именно этих двух направлений.

Изначально законодатель просто оговорил следственные действия, к участию в которых следователь мог привлекать специалистов. Обязательным являлось участие специалиста в области судебной медицины при наружном осмотре трупа на месте его обнаружения и при его эксгумации (статья 180), а также участие педагога при допросе свидетелей в возрасте до 14 лет (статья 159); упоминалась возможность привлечения специалистов для участия в таких следственных действиях, как осмотр (статья 179), осмотр трупа (статья 180 – привлечение иного специалиста помимо врача), следственный эксперимент (статья 183), выемка и обыск (статья 170), контроль и запись переговоров (статья 174¹ введена в 2001 г.). При проведении освидетельствования было возможно привлечение врача (статья 181); при допросе – переводчика (статья 151) либо педагога (статья 159) (возможность привлечения специалистов иного рода не предусматривалась). При проведении очной ставки и опознания участие специалиста законодателем не предусматривалось (статьи 162–166).

Вместе с тем нечеткость в законодательстве очертаний нового субъекта – специалиста – требовала дополнительных пояснений. Поэтому в 1966 г. УПК был дополнен статьей 133¹ «Участие специалиста», где давались разъяснения относительно прав и обязанностей специалистов, особенностей их вызова и т. п. В дальнейшем эта статья неоднократно уточнялась и дополнялась.

Следует отметить, что в случаях, предусмотренных УПК РСФСР 1960 г., следователь был вправе вызвать для участия в производстве следственного действия специалиста, не заинтересованного в исходе дела. Специалист обязан явиться по вызову; участвовать в производстве следственного действия, использовать свои специальные знания и навыки для содействия следователю в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств; обратить внимание следователя на обстоятельства, связанные с обнаружением, закреплением и изъятием доказательств; давать пояснения по поводу выполняемых им действий. При этом он вправе делать подлежащие занесе-

нию в протокол заявления, связанные с обнаружением, закреплением и изъятием доказательств.

Были также усовершенствованы или впервые сформулированы положения, регулирующие компенсацию процессуальных издержек при вызове экспертов и специалистов, обязательное проведение экспертизы, права обвиняемого при назначении и производстве экспертизы и т. д.

Таким образом, именно в УПК РСФСР 1960 г. удалось создать систему привлечения к судопроизводству лиц, обладающих специальными знаниями, состоящую из двух отдельных субъектов уголовного процесса – специалиста, участвующего только в следственных действиях и эксперта – лица, производящего экспертное исследование.

Дальнейшее совершенствование института лиц, обладающих специальными знаниями, нашло свое развитие в УПК РФ 2001 г.

Прежде всего отметим, что в уголовном процессе, как и раньше, осталось два самостоятельных процессуальных участника, обладающих специальными знаниями, – специалист и эксперт. Взгляд на эксперта, по сути, не изменился. Однако законодатель впервые дал определение понятия «специалист», в котором содержатся указания на то, какими знаниями он обладает, как привлекается к участию в производстве по делу, каковы его функции. При этом если в УПК РСФСР 1960 г. исходя из смысла статей, декларирующих возможность привлечения специалиста, таковым следовало рассматривать лицо, обладающее специальными знаниями и привлекаемое к участию только в следственных действиях и то лишь, когда это предусматривалось законодательством (статьи 159, 179, 180 и др.), то в УПК РФ функции специалиста трактуются значительно шире. Согласно пункту 1 статьи 58 УПК РФ, специалист может привлекаться для участия во всех без исключения процессуальных действиях, включая следственные.

Также расширены права специалиста. Если в УПК РСФСР оговаривалось лишь право «делать подлежащие занесению в протокол заявления, связанные с обнаружением, закреплением и изъятием доказательств» (ст. 133¹ «Участие специалиста»), то в УПК РФ уже вводятся следующие права: отказаться от участия в производстве по уголовному делу, если он не обладает соответствующими специальными знаниями; задавать вопросы участникам следственного действия с разрешения дознавателя, следователя, прокурора и суда; знакомиться с протоколом следствен-

ного действия, в котором он участвовал, и делать заявления и замечания, которые подлежат занесению в протокол; приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда, ограничивающие его права (пункт 3 статьи 58 «Специалист») [4].

Новым положением выступает право задавать вопросы участникам следственного действия с разрешения дознавателя, следователя, суда. При анализе законодательства выясняется несколько важных обстоятельств: вопросы задаются, только если это нужно для выполнения профессиональных функций специалиста, основной задачей является получение специалистом информации, которая может повысить результативность его работы; вопросы задаются только с разрешения дознавателя, следователя, суда.

Изменения претерпели и обязанности специалиста. Раньше специалист был обязан явиться по вызову; участвовать в производстве следственного действия; использовать свои специальные знания и навыки для содействия следователю в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств; обращать внимание следователя на обстоятельства, связанные с обнаружением, закреплением и изъятием доказательств; давать пояснения по поводу выполняемых им действий (статья 133¹ УПК РСФСР). В такой трактовке косвенно оговаривались и функции специалиста: использовать свои специальные знания и навыки для содействия следователю в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств; обращать внимание следователя на обстоятельства, связанные с обнаружением, закреплением и изъятием доказательств; давать пояснения по поводу выполняемых им действий. В УПК РФ отсутствует понятие «обязанность специалиста», осталось лишь положение об его ответственности, которая регламентируется статьей 58, а в УПК РСФСР – статьей 139.

Следует отметить, что если механизм привлечения специалистов к участию в следственных действиях в УПК РФ детально отработан, то возможность их привлечения к участию в целом в процессуальных действиях или для постановки вопросов эксперту всего лишь декларируется, так же, как и введение права защитника на привлечение специалиста. Например, в пункте 2 статьи 58 УПК РФ указывается, что вызов специалиста и порядок его участия в уголовном судопроизводстве определяются статьей 168 и 270 УПК РФ. Однако статья 168 УПК РФ («Участие специали-

ста») разъясняет лишь правила привлечения следователем или дознавателем (статья 223 УПК РФ) специалиста к участию в следственном действии, а статья 270 УПК РФ относится к участию специалиста в судебном разбирательстве. При этом остается открытым вопрос о форме привлечения специалиста, если речь идет об участии в иных процессуальных действиях.

Таким образом, можно утверждать, что институт «специалистов» в УПК РФ 2001 г. продолжил свое развитие. Законодатель пошел по пути дальнейшей дифференциации и совершенствования каждого из направлений использования лиц, обладающих специальными знаниями, т. е. раздельного развития института специалистов и экспертов [6].

С учетом выявленных тенденций развития единого института специальных знаний в двух формах – судебной экспертизы и внеэкспертного использования специальных знаний (внесудебной экспертизы) – необходимость и своевременность формирования учения специологии очевидна. Однако, как принято в науках, на пути естественного течения часто возникают некие завихрения, в целом не влияющие на процесс, а иногда даже подкрепляющие его правильность.

Иллюстрацией является Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», в который вошли новые нормы, в том числе касающиеся особенностей доказывания при производстве дознания в сокращенной форме. Одной из них было положение о праве дознавателя с учетом конкретных обстоятельств уголовного дела не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении, за исключением следующих случаев: необходимость установления по уголовному делу дополнительных, имеющих значение для уголовного дела фактических обстоятельств; необходимость проверки выводов специалиста, достоверность которых поставлена под сомнение подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем; наличие предусмотренных статьей 196 УПК РФ оснований для обязательного назначения судебной экспертизы.

По мнению Е. А. Зайцевой, данный закон дает основание утверждать, что его разработчики

пренебрегли закономерностями становления института специалистов при формулировании правил доказывания для дознания в сокращенной форме. Сентенция о праве дознавателя «не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении, за исключением следующих случаев...» (пункт 3 части 3 статьи 226.5 УПК РФ) свидетельствует о том, что благодаря новаторству нашего законодателя нивелируется существенное различие между правовым институтом специалиста и судебной экспертизы, заключающееся в возможности производства процессуальных исследований только в рамках судебной экспертизы [3].

В современном уголовно-процессуальном законодательстве отдельных стран бывшего советского пространства имеются положения о возможности использования в доказывании заключений специалиста, но они представлены в иной форме и допускаются только в определенных случаях. Ситуация, когда можно не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении, в законодательстве стран постсоветского пространства не усматривается.

Максимально это реализовано в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Молдова (УПК РМ), который предполагает использование специальных знаний в форме научно-технического и судебно-медицинского исследования (статьи 139–141 УПК РМ); производства экспертизы (статьи 142–152 УПК РМ); допроса эксперта (статья 153 УПК РМ); участия специалиста в производстве процессуальных действий (статья 87 УПК РМ).

Основным здесь является то, что на фоне назначения экспертизы только после возбуждения уголовного дела, разрешается проведение научно-технического и судебно-медицинских исследований как до, так и после возбуждения уголовного дела. Они признаются процессуальными действиями, регламентируемыми уголовно-процессуальным законодательством, но проводятся только «в случае существования угрозы исчезновения некоторых средств доказывания или изменения обстоятельств и необходимости срочного выяснения некоторых фактов и обстоятельств по делу» (статья 139 УПК РМ).

Большинство других республик придерживаются необходимости назначения экспертизы как до, так и после возбуждения уголовного дела. Такой подход, например, реализован в Казахстане и Киргизии. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан делает акцент на производстве экспертизы – допускает ее производство не только после, но и до возбуждения уголовного дела. Однако до возбуждения уголовного дела ее проведение разрешено лишь в случае, «когда принятие решения о возбуждении уголовного дела невозможно без производства экспертизы» (статья 242 УПК РК). Тот же принцип разрешения производства экспертизы до возбуждения уголовного дела при отсутствии иных форм процессуальных исследований реализуется в УПК Киргизской Республики, но уже без ограничения случаев ее проведения до возбуждения уголовного дела (статья 165, 199 УПК КР).

Таким образом, приравнивание заключений специалиста к полноценному экспертному исследованию не только нарушает тенденции становления правового поля использования специальных знаний, но и грубо нарушает сами сложившиеся как в теории, так и в практике представления о смысле и роли данных документов в доказывании.

Этапы формирования криминалистического учения о реализации специальных знаний вне судебной экспертизы сводятся к следующему:

– со времен Древней Руси до принятия Свода законов уголовных 1832 г. (используются специальные знания сведущих людей, участие которых в судопроизводстве следует рассматривать как самостоятельную форму – заключение сведущих лиц, которые являлись прообразом эксперта и специалиста. На уровне законодательных актов участие лица, обладающего специальными знаниями, еще не закреплено);

– 1832–1864 гг. Переход от декларирования форм деятельности сведущих лиц к регламентации. Этот этап длился всего несколько десятилетий с 1832 г., с момента принятия Свода законов уголовных 1832 г. по 1864 г., однако позволил накопить необходимый для этого практический опыт;

– 1864–1917 гг. В уголовном судопроизводстве именно в период действия Устава уголовного судопроизводства начинает формироваться понимание специалиста как самостоятельного субъекта уголовно-процессуальной деятельности, а также регламентация его действий. Причем

прототип специалиста в его современном понимании зарождается не в рамках осмотра и освидетельствования, проводимых сведущими лицами, а проводимых судебным следователем. Создается правовая основа для процессуального разделения использования специальных знаний сведущих лиц в процессуальной форме (экспертизы) и в рамках привлечения специалистов для участия в следственных действиях. Однако использование специальных знаний вне экспертизы носило весьма хаотичный характер и значительно отставало от регламентации экспертизы;

– 1917–1922 гг. На фоне декларирования сохранности положений Устава уголовного судопроизводства 1964 г., не идущих в разрез с новой идеологией, принимаются постановления и декреты, разрушающие единую систему судопроизводства царской России и возвращающие ее назад – к эпохе формальной теории доказательств. Институт использования специальных знаний вне экспертизы разрушен, еще не создавшись;

– 1922–1960 гг. Этап хаоса, продолжавшийся с 1917 по 1922 г., завершился с принятием УПК РСФСР 1922 г. и УПК РСФСР 1923 г. В целом выведя уголовное судопроизводство из хаоса, УПК РСФСР 1923 г. значительно упорядочил проведение собственно экспертиз, но совершенно не решил вопрос об иных формах привлечения лиц, обладающих специальными знаниями, к расследованию. Можно даже сказать, что институт специалистов в современном их понимании был практически уничтожен, любое действие лица, обладающего специальными знаниями, сводилось к проведению некой экспертизы;

– 1960–2001 гг. УПК РСФСР 1960 г. ввел нового процессуального субъекта – специалиста, что привело к дифференциации института сведущих людей в двух направлениях: привлечение лиц, обладающих специальными знаниями, в качестве специалистов для участия в следственных действиях или в качестве экспертов для проведения экспертных исследований. По сути, именно в этот период закладываются основы учения специологии;

– 2001–2013 гг. С принятием УПК РФ 2001 г. расширяются возможности использования специальных знаний сведущих лиц в расследовании за счет декларирования возможности привлечения специалиста по усмотрению следователя к участию во всех процессуальных, а не только в строго оговоренных следственных действиях;

появляется право защитника на привлечение специалиста. То есть начинают усовершенствоваться правовые основы деятельности специалиста, что дает основание для формирования учения специологии;

– 2013 г. – по настоящее время. Дальнейшее развитие института специалистов с некоторыми отклонениями от выявленной ранее тенденции формирования представления о специалисте как о «ведущем свидетеле, заключение которого не связано с проведением полноценных исследований и, соответственно, не является доказательством. Причина может быть в том, что институт дознания в сокращенной форме заново появился в российской правоприменительной практике, по сути, только в XXI в. Соответствен-

но, тенденции его становления могли повлиять и на более общие тенденции становления института специалистов в уголовном судопроизводстве.

Таким образом, анализ возникновения и становления правового института специалистов приводит к выводу о наличии объективных закономерностей его самостоятельного развития, отдельного от судебной экспертизы. Можно только поддержать Е. А. Зайцеву, которая считает, что эти два подразделения уголовно-процессуальной отрасли права должны и далее развиваться по самостоятельному пути, и совершенствование законодательства не должно вести к сращиванию указанных нормативных образований, а наоборот – способствовать их дальнейшему обособлению и специализации [3].

Список литературы

1. Гродзинский, М. М. Сущность и формы экспертизы в советском уголовном процессе // Ученые записки Харьковского юридического института. – 1955. – Вып. 6. – С. 55–68.
2. Жданов С. П. Криминалистическое учение о реализации специальных знаний вне судебной экспертизы : монография. – М.: Проспект, 2023.
3. Зайцева Е. А. Исторические закономерности развития института специальных познаний и современное нормотворчество // Судебно-правовая реформа 1860-х годов в России и современное уголовно-процессуальное право : материалы III Международной научно-практической конференции. – Ч. 2. – М., 2015. – С. 245–252.
4. Исаева Л. М. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений // Юридический консультант. – 2000. – № 10. – С. 15–19.
5. Исаева Л. М. Специальные познания в уголовном судопроизводстве. – М. : ЮРМИС, 2003.
6. Исаева Л. М. Теоретические основы использования специальных познаний в уголовном судопроизводстве России : монография. – М. : ВНИИ МВД России, 2009.
7. Комиссарова Я. В. Институт использования специальных знаний в России : исторический аспект // Эксперт-криминалист. – 2008. – № 1. – С. 3–8.
8. Лазарева Л. В. Концептуальные основы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. – Владимир, 2011.
9. Махов В. Н. Использование специальных знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. – М. : Изд-во РУДН, 2000.
10. Петров А. В. История развития специальных знаний // Актуальные проблемы права : V Международная научная конференция (Москва, декабрь 2016 г.). – М. : Буки-Веди, 2016. С. 18–20.
11. Рахунов Р. Д. Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Госюриздат, 1953.
12. Светличный А. А. Зарождение и развитие института специальных знаний в дореволюционной России // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 2 (51). – С. 137–143.